

Сибирь и, приехав к великому хану, старался доказать ему превосходство веры христианской; но Мангу равнодушно отвечал: «Моголы знают, что есть Бог, и любят его всею душою. Сколько у тебя на руке пальцев, столько или более можно найти путей к спасению. Бог дал вам Библию, а нам волхвов; вы не исполняете ее предписаний, а мы слушаемся своих наставников и ни с кем не спорим... Хочешь ли золота? Взяв его из казны моей, иди, куда тебе угодно».

Посол Людовиков нашел при дворе ханском российский архитектора и диакона, венгров, англичан и весьма искусного золотаря парижского, именем Гильйома, жившего у Мангу в чести и в великом изобилии. Сей Гильюм сделал для хана огромное серебряное дерево, утвержденное на четырех серебряных львах, которые служили чанами в пиршествах: кумыс, мед, пиво и вино подымались из них до вершины дерева и лились сквозь отверстие зев двух вызолоченных драконов на землю в большие сосуды; на дереве стоял крылатый ангел и трубил в трубу, когда надлежало гостям пить. Моголы вообще любили художников, обязанные сим новым для них вкусом мудрому правлению бессмертного Иличутая, о коем мы выше упоминали и который, быв долгое время министром Чингисхана и преемника его, ревностно старался образовать их подданных: спас жизнь многих ученых китайцев, основал училища, вместе с математиками арабскими и персидскими сочинил календарь для моголов, сам переводил книги, чертил географические карты, покровительствовал художников; и когда умер, то завистники сего великого мужа, к стыду своему, нашли у него, вместо предполагаемых сокровищ, множество рукописных творений о науке править государством, об астрономии, истории, медицине и земледелии.

Великий хан, отпуская Людовикова посла, дал ему гордое письмо к королю французскому, заключив оное сими словами: «Именем Бога Вседержителя повелеваю тебе, королю Людовику, быть мне послушным и торжественно объявить, чего желаешь: мира или войны? Когда воля Небес исполнится и весь мир признает меня своим властителем, тогда воцарится на земле блаженное спокойствие и счастливые народы увидят, что мы для них сделаем! Но если дерзнешь отвергнуть повеление Божественное и скажешь, что земля твоя отдалена, горы твои неприступны, моря глубоки и что нас не боишься, то Всесильный, облегчая трудное и приближая отдаленное, покажет тебе, что можем сделать!» Такова была надменность моголов!

Рубруквис возвратился к берегам Волги и приехал в Сарай, новый город, построенный Батыем в 60 верстах от Астрахани, на берегу Ахтубы. Недалеко оттуда, на среднем протоке Волги, находился и древнейший город Сумеркент, в коем обитали ясы и *сарацины*: татары осаждали его восемь лет и едва могли взять, по словам нашего путешественника.

Имея случай видеть россиян, сей посол Людовиков рассказывает, что жены их, украшая голову подобно французенкам, опушивают низ своего платья белками и горностаями, а мужчины носят *епанчи немецкие* и поярковые шапки, остроконечные и высокие. Он прибавляет еще, что обыкновенная монета российская состоит из кожаных, пестрых лоскутков. Через Дербент, Ширван (где находилось великое число жидов), Шамаху, Тифлис (где начальствовал могольский воевода Баку) Рубруквис прибыл в Армению и благополучно достиг Кипра.

Глава II

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ — АНДРЕЙ ЯРОСЛАВИЧ И АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ (ОДИН ПОСЛЕ ДРУГОГО) (1247—1263)

Александр в Орде. Князь московский убит литвою. Дряхлость Батыева. Посольство из Рима. Болезнь Александрова. Посольство в Норвегию. Бегство Андреево. Благоразумие Александра. Ветреность новгородцев. Смерть Батыева. Исчисление жителей в России. Казнь бояр. Покушение Данишилово свергнуть иго. Откупщики бесерменские. Кончина и добродетели Александровы. Выходцы из чужих земель. Мятежи в Орде.

Узнав о кончине отца, Александр спешил в Владимир, чтобы оплакать оную вместе с родными и взять нужные меры для государственного порядка. Следуя обыкновенно, дядя Невского, Святослав, наследовал престол великокняжеский, утвердив сыновей Ярославовых на их частных княжениях.

Доселе Александр не преклонял выи в Орде, и россияне еще с гордостью именовали его своим независимым князем, даже страшали им моголов. Батый

слышал о знаменитых его достоинствах и велел сказать ему: «Князь новгородский! Известно ли тебе, что Бог покорил мне множество народов? Ты ли один будешь независимым? Но если хочешь властвовать спокойно, то явись немедленно в шатре моем, да познаешь славу и величие моголов».

Александр любил Отечество более своей княжеской чести: не хотел гордым отказом подвергнуть оное новым бедствиям и, презирая личную опасность

не менее тщеславия, вслед за братом Андреем поехал в стан могольский, где Батый, приняв их с ласкою, объявил вельможам, что слава не увеличила достоинств Александровых и что сей князь действительно есть человек необыкновенный: такое сильное впечатление сделали в нем мужественный вид Невского и разумные слова его, одушевленные любовью к народу российскому и благородством сердца!

Но Александр и брат его должныствовали, подобно Ярославу, ехать в Татарию к великому хану. Сии путешествия были ужасны: надлежало проститься с Отечеством на долгое время, терпеть голод и жажду, отдыхать на снегу или на земле, раскаленной лучами солнца; везде голая печальная степь, лишенная убранства и тени лесов, усеянная костями несчастных странников; вместо городов и селений представлялись взору одни кладбища народов кочующих. Может быть, в самой глубокой древности ходили там караваны купеческие: скифы и греки сражались с опасностью, нуждою и скукою, по крайней мере в надежде обогатиться золотом; но что ожидало князей российских в Татарию? Уничужение и горесть. Рабство, тягостное для народа, еще несноснее для государей, рожденных с правом властвовать. Сыновья Ярославовы, скитаясь в сих мертвых пустынях, вспоминали плачевный конец отца своего и думали, что они также, может быть, навеки простились с любезным Отечеством.

[1248 г.] В отсутствие Александра меньший брат его, Михаил Московский, прозванием *Храбрый*, изгнал — как сказано в некоторых летописях — дядю их, Святослава, из Владимира, но в ту же зиму, воюя с литвою, положил свою голову в битве. Тело его осталось на берегу Протвы: епископ суздальский, Кирилл, ревностный блюститель княжеской чести, велел привезти оно в Владимир и положить в стене храма Соборного; а братья Михайловы отместили литовцам, разбив их близ Зубцова.

[1249—1250 гг.] Наконец Александр и брат его благополучно возвратились от великого хана, который столь был доволен ими, что поручил Невскому всю южную Россию и Киев, где господствовали чиновники Батыевы. Андрей же сел на престоле Владимирском; а дядя их, Святослав, без успеха ездил жаловаться на то в Орду, чрез два года скончался в Юрьеве Польском. Удельные князья владимирские зависели тогда в особенности от Сартака и часто бывали в его стане — как то Борис Ростовский и Глеб Василькович Белозерский, — ибо дряхлый Батый, отец Сартаков, хотя жил еще несколько лет, но уже мало занимался делами покоренной России.

В сие время герой Невский, коего имя сделалось известно в Европе, обратил на себя внимание Рима и получил от папы, Иннокентия IV, письмо, врученное

ему, как сказано в наших летописях, двумя хитрыми кардиналами, Гальдом и Гемонтом. Иннокентий уверял Александра, что Ярослав, отец его, находясь в Татарию у великого хана, с ведома или по совету какого-то боярина дал слово монаху Карпину принять веру латинскую и без сомнения исполнил бы свое обещание, если бы не скончался внезапно, уже присоединенный к истинному стаду Христову; что сын обязан следовать благому примеру отца, если хочет душевного спасения и мирского счастья; что в противном случае он доказал бы свою безрассудность, не слушаясь Бога и римского его наместника; что князь и народ российский найдут тишину и славу под сению западной церкви; что Александр должен, как верный страж христиан, немедленно уведомить рыцарей ливонского ордена, если моголы снова пойдут на Европу. Папа в заключение хвалит Невского за то, что он не признал над собою власти хана: ибо Иннокентий еще не слыхал тогда о путешествии сего князя в Орду. Александр, призвав мудрых людей, советовался с ними и написал к папе: «Мы знаем истинное учение церкви, а вашего не приемлем и знать не хотим». Он без сомнения не поверил клевете на память отца его: сам Карпин в описании своего путешествия не говорит ни слова о мнимом обращении Ярослава.

[1251—1252 гг.] Новгородцы встретили Невского с живейшею радостью; также и митрополита Кирилла, который прибыл из Владимира и к общему удовольствию посвятил их архиепископа, Далмата. Внутреннее спокойствие Новгорода было нарушено только случайным недостатком в хлебе, пожарами и весьма опасною болезнию князя Александра, в коей все государство принимало участие, возлагая на него единственную свою надежду: ибо он, умев заслужить почтение моголов, разными средствами благотворил несчастным согражданам и посылал в Орду множество золота для искупления россиян, бывших там в неволе. Бог услышал искреннюю молитву народа, бояр и духовенства: Александр выздоровел и, желая оградить безопасность северную область Новгородскую, отправил посольство к норвежскому королю Гакону в Дронгтейм, предлагая ему, чтобы он запретил финмаркским своим подданным грабить нашу Лопь¹ и Корелию. Послам российским велено было также узнать лично Гаконову дочь, именем Христину, на коей Александр думал женить сына своего, Василия. Король норвежский, согласный на то и другое, послал в Новгород собственных вельмож, которые заключили мир и возвратились к Гакону с богатыми дарами; но с обеих сторон желаемый брак не мог тогда совершиться, ибо Александр, сведав о новых несчастьях Владимирского княжения, отложил семейственное дело до иного, благоприятнейшего времени и спешил в Орду, чтобы прекратить сии бедствия.

¹ Лопь — Лапландия.

Брат его, Андрей, зять Даниила Галицкого, хотя имел душу благородную, но ум ветреный и неспособный отличать истинное величие от ложного: князя в Владимире, занимался более звериною ловлею, нежели правлением; слушался юных советников и, видя беспорядок, обыкновенно происходящий в государстве от слабости государей, винил в том не самого себя, не любимцев своих, а единственно несчастные обстоятельства времени. Он не мог избавить Россию от ига; по крайней мере, следуя примеру отца и брата, мог бы деятельным, мудрым правлением и благоразумною уклончивостию в рассуждении моголов облегчить судьбу подданных: в сем состояло тогда истинное великодушие. Но Андрей, пылкий, гордый, положил, что лучше отказаться от престола, нежели сидеть на нем данником Батыевым, и тайно бежал из Владимира с женою своею и с боярами. Неврюй, Олабуга, прозванием *Храбрый*, и Котья, воеводы татарские, уже шли в сие время наказать его за какое-то ослушание. Настигнув [24 июля 1252 г.] Андрея у Переславы, разбили княжескую дружину и едва не схватили самого князя. Обрадованные случаем мстить россиянам как мятежникам, толпы Неврюевы рассыпались по всем областям Владимирским; брали скот, людей; убили в Переславе воеводу, супругу юного Ярослава Ярославича, пленили его детей и с добычею удалились.

Несчастный Андрей искал убежища в Новгороде; но жители не хотели принять его. Он дождался своей княгини во Пскове; оставил ее в Кольване, или Ревеле, у датчан, и морем отправился в Швецию, куда чрез некоторое время приехала к нему и супруга. Но добродушная ласка шведов не могла утешить его в сем произвольном изгнании: Отечество и престол не замечаются дружелюбием иноземцев.

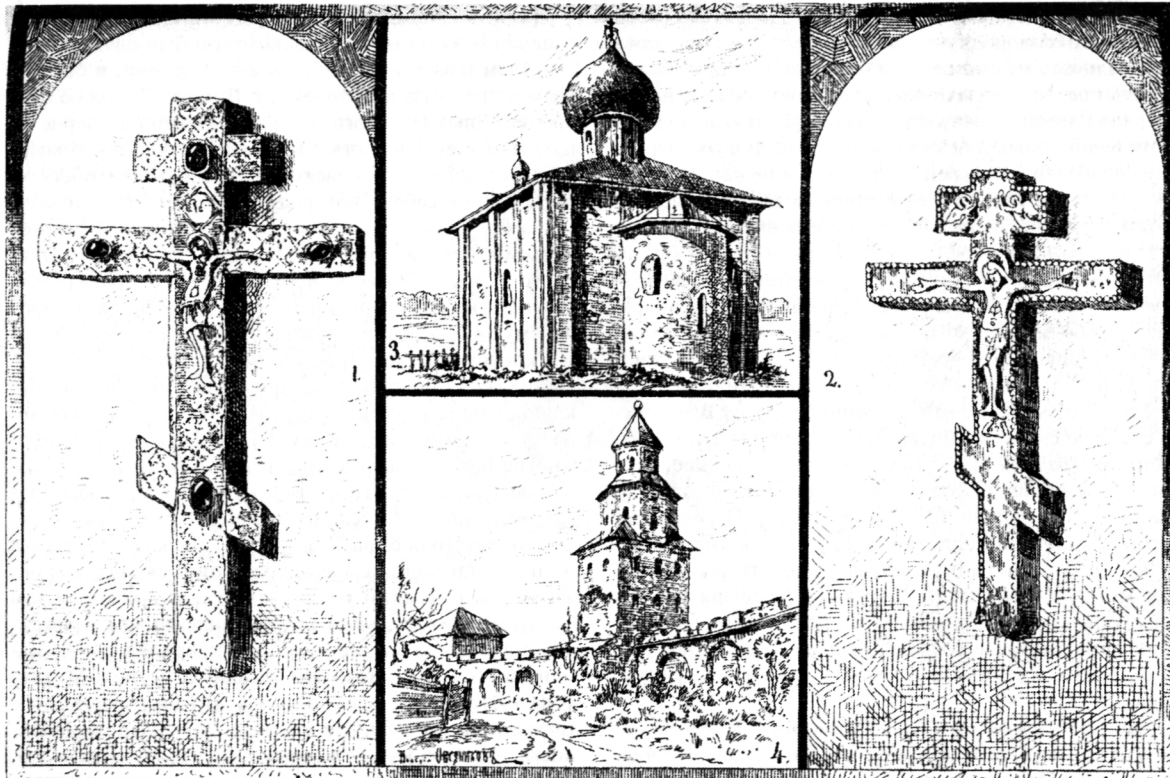
Александр благоразумными представлениями смирил гнев Сартака на россиян и, признанный в Орде *великим князем*, с торжеством въехал в Владимир. Митрополит Кирилл, игумены, священники встретили его у Золотых ворот, также все граждане и бояре под начальством тысяцкого столицы, Романа Михайловича. Радость была общая. Александр спешил оправдать ее неусыпным попечением о народном благе, и скоро воцарилось спокойствие в великом княжении: люди, испуганные нашествием Неврюя, возвратились в дома, земледельцы к плугу и священники к алтарям.

В сие время татары отпустили от себя рязанского князя, Олега Ингварича, который, долгое время страдал в неволе, чрез 6 лет умер в отчизне монахом и схимником. Сын его, Роман, наследовал престол Рязанский.

[1253 г.] Выехав из Новгорода, Александр оставил там сына своего, Василия, который счастливо отразил литовцев. Псков, внезапно осажденный ливонскими рыцарями, защищался мужественно. Неприятель отступил, сведав, что идут новгородцы; а россияне и корела, опустошив часть Ливонии, в окрестностях Наровы разбили немцев, таким образом наказанных за нарушение мира и принужденных согласиться на все требования победителей.

[1255 г.] Между тем как великий князь радовался успехам оружия новгородского, он был изумлен нечаянным известием, что сын его, Василий, с бесчестьем изгнан оттуда и приехал в Торжок. За год до сего времени брат Невского, Ярослав, княжив в Твери, по каким-то неудовольствиям выехал оттуда с боярами, сделался князем псковским и разными хитростями преклонил к себе новгородцев. Они стали жаловаться на Василия, хотели послать архиепископа с челобитьем к Александру и вдруг, забыв благодеяние Невского героя, объявили Ярослава своим правителем. Великий князь, огорченный поступком брата и народа, ему любезного, вооружился, в надежде смирить их без кровопролития. Ярослав, не посмевав обнажить меча, скрылся; но граждане, призывая имя Богоматери, клялися на вече умереть друг за друга и стали полками на улицах. Впрочем, не все действовали единодушно, многие бояре думали единственно о личных выгодах: они желали торговаться с великим князем, чтобы предать ему народ. В числе их был некто Михалко, гражданин властолюбивый, который, лаская посадника Ананию, тайно намеревался заступить его место и бежал в Георгиевский монастырь, велел собраться там своим многочисленным единомышленникам. Граждане устремились за ним в погоню; кричали: «Он изменник! Убьем злодея!» Но посадник, не зная Михалкова умысла, спас сего мнимого друга и говорил им с твердостью: «*Убейте прежде меня самого!*» В благодарность за такую услугу Михалко, встретив Александра, описал ему Ананию как первого мятежника, и посол великого князя, приехав в Новгород, объявил жителям на вече, чтобы они выдали ему посадника, или разгневанный государь будет их неприятелем. Народ отправил к Александру Далмата архиепископа и Клима тысяцкого. «Новгород любит тебя и не хочет противиться своему законному князю, — говорили ему сии послы, — иди к нам с Богом, но без гнева, и не слушайся наших изменников. Анания есть добрый гражданин». Александр, отвергнув все их убеждения, требовал головы посадника. В подобных случаях новгородцы стыдились казаться малодушными. «Нет, — говорил народ, — если князь верит новгородским клятвopеступникам более, нежели Новгороду, то Бог и святая София не оставят нас. Не виним Александра, но будем тверды». Они три дня стояли вооруженные. Наконец князь велел объявить им, что он удовольствуется сменой посадника. Тогда Анания с радостью отказался от своего верховного сана, а коварный Михалко принял начальство. Александр вступил в Новгород, дав слово не стеснять прав народных, и с честью возвратился в столицу владимирскую.

[1256 г.] Скоро шведы, финны и немцы явились на берегах Наровы и заложили там город. Встревоженные новгородцы послали гонцов к Александру и в свои области для собиpания людей ратных. Хотя опасность миновалась — ибо шведы ушли, не достроив крепости, — но великий князь, немедленно прибыв в Новгород с митрополитом Кириллом, велел полкам изготoвиться к важному предприятию, не сказывая ничего более. Только у Копорья, где митрополит

Новгородские древности: 1, 2. Кресты XII века, хранящиеся в церкви Благовещения, что на Городище, близ Новгорода. Городище — селение близ Новгорода, выше его и ближе к Ильмену. Здесь жили некогда князья новгородские со своею дружиною и двором, поэтому церковь Благовещения была одною из весьма богатых утварью. 3. Церковь XII века (так называемая «Спасо-Нередицкая») близ Новгорода. 4. Кукуевская башня в новгородском детинце.

дал Невскому благословение на путь, свести войны, что они идут в Финляндию; устрашенные дальним зимним походом, многие новгородцы возвратились домой; прочие сносили терпеливо ужасные выюги и метели. Погибло множество людей; однако ж россияне достигли своей цели, то есть опустошили знатную часть Финляндии, где, по сказанию шведских историков, некоторые жители держали нашу сторону, недовольные правлением шведов и насильственными их поступками.

Поручив Новгород сыну своему, Василию, Александр долженствовал снова ехать в Орду, где произошла тогда великая перемена. Батый умер: сын его — вероятно, Сартак, хотел господствовать над татарами, но был жертвою властолюбивого дяди, именем Берки, который, умертвив племянника, согласно с волею великого хана объявил себя преемником Батыевым и вверил дела российские своему наместнику Улавчию.

[1257 г.] Сей вельможа принимал наших князей и дары их: к нему явился Александр с Борисом Васильковичем и братом Андреем (ибо сей последний уже возвратился тогда в Отечество и жил в Суздале). Веро-

ятно, что они, сведав намерение татар обложить северную Россию, подобно Киевскому и Черниговскому княжению, определенной данию по числу людей, желали отворотить сию тягость, но тщетно: вслед за ними приехали чиновники татарские в область Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, — сочли жителей и поставили над ними десятников, сотников, темников для собрания налогов, увольняя от сей общей дани только церковников и монахов. Хитрость, достойная замечания. Моголы, вступив в наше Отечество, с равною свирепостию лили кровь и мирян, и духовных, ибо не думали жить близ его пределов и, страшась оставить за собою многочисленных врагов, хотели мимоходом истребить всех людей; но обстоятельства переменились. Орда Батыева расположилась навсегда кочевать в привольных окрестностях Волги и Дона, хан ее для своих выгод должен был в некотором смысле щадить подданную ему Россию, богатую естественными и для самых варваров нужными произведениями; узнав же власть духовенства над совестью людей, вообще усердных к вере, моголы старались задобрить его, чтобы оно не возбуждало россиян противоборствовать игу татарскому и чтобы хан тем спо-

койнее мог повелевать нами. Изъявляя уважение к духовенству, сии завоеватели хотели доказать, что они не суть враги Бога русского, как думал народ.

В одно время с Александром возвратился из Орды Глеб Василькович: сей князь белозерский ездил к великому хану и там женился, без сомнения, на какой-нибудь могольской христианке, ибо самые жены ханов явно исповедывали веру Спасителю. Он надеялся сим брачным союзом доставить некоторые выгоды своему утесненному отечеству.

[1257—1258 гг.] Чрез несколько месяцев великий князь вторично ездил к Улавчию с Борисом Ростовским, с Андреем Суздальским и Ярославом Тверским (который, признав вину свою, уже снова пользовался искреннею дружбою Александра). Наместник ханский требовал, чтобы Новгород также платил дань поголовную: герой Невский, некогда ревностный поборник новгородской чести и вольности, должен был с горестию взять на себя дело столь неприятное и склонить к рабству народ гордый, пылкий, который все еще славился своею исключительною независимостию. Вместе с татарскими чиновниками и с князьями, Андреем и Борисом, Александр поехал в Новгород, где жители, сведав о его намерении, пришли в ужас. Напрасно говорили некоторые и посадник Михалко, что воля сильных есть закон для благоразумия слабых и что сопротивление бесполезно: народ отвечивал грозным воплем, умертвил посадника и выбрал другого. Сам юный князь Василий, по внушению своих бояр, уехал из Новгорода в Псков, объявив, что не хочет повиноваться отцу, везущему с собою оковы и стыд для людей вольных. В сем расположении Александр нашел большую часть граждан и не мог ничем переменить его: они решительно отказались от дани, но отпустили могольских чиновников с дарами, говоря, что желают быть в мире с ханом, однако ж свободными от ига рабского.

Великий князь, негодуя на ослушного сына, велел схватить его во Пскове и под стражею отвезти в Суздальскую землю; а бояр, наставников Василиевых, казнил без милосердия. Некоторые были ослеплены, другим обрезали нос: казнь жестокая, но современники признавали ее справедливою, и самый народ считал их виновными, ибо они возмутили сына против отца: столь власть родительская казалась священной!

[1259 г.] Александр остался в Новгороде и, предвидя, что хан не удовольствуется дарами, ждал следствий неприятных. В самом деле пришло известие из Владимира, что войско ханов уже готово идти к Новгороду. Сия весть, впрочем, ложная, имела такое действие в народе, что он на все согласился, и великий князь уведомил моголов о его покорности. Чиновники их, Беркай и Касачик, с женами и со многими товарищами явились на берегах Волхова для переписи людей и начали было уже собирать дань в окрестностях столицы, но столь наглым и для бедных

утеснительным образом, что граждане, сведав о том, вдруг переменяли мысли. Сделалось волнение, чиновники могольские требовали стражи для своей безопасности. Александр приставил к ним посадникова сына и боярских детей, чтобы они днем и ночью стерегли их дома. Мятеж не утихал. Бояре советовали народу исполнить волю княжескую, а народ не хотел слышать о дани и собирався вокруг Софийской церкви, желая умереть за честь и свободу: ибо разнесся слух, что татары и сообщники их намерены с двух сторон ударить на город.

Наконец Александр прибегнул к последнему средству: выехал из двorca с могольскими чиновниками, объявив, что он предает мятежных граждан гневу хана и несчастной судьбе их, навсегда расстается с ними и едет в Владимир. Народ поколебался: бояре воспользовались сим расположением, чтобы склонить его упорную выю под ненавистное ему иго, действуя, как говорит летописец, согласно с своими личными выгодами. Дань поголовная, требуемая моголами, угнетала скудных, а не богатых людей, будучи для всех равная; бедствие же войны отчаянной страшило последних гораздо более, нежели первых.

И так народ покорился, с условием, кажется, не иметь дела с баскаками и доставлять определенное количество серебра прямо в Орду или чрез великих князей.

Моголы ездили из улицы в улицу, переписывая дома; безмолвие и скорбь царствовали в городе. Бояре еще могли утешаться своею знатностию и роскошным избытком; добрые, простые граждане, утратив народную честь, лишились своего лучшего достояния.

Вельможи татарские, распорядив налоги, удалились. Александр поручил Новгород сыну Димитрию и возвратился в великое княжение через Ростов, где вдовствующая супруга Василькова, Мария, князь Борис и Глеб угостили его с любовью; но сей государь великодушный мог ли быть счастливым и веселым в тогдашних обстоятельствах России?

Отечество наше рабствовало от Днестра до Ильменя. Даниил Галицкий, будучи смелее Александра, тщетно думал по смерти Батюга избавиться от власти моголов. Деятельностию ума необыкновенного восстановив свое княжение и загладив в нем следы татарского опустошения, он брал участие в делах Европы и два раза ходил помогать Беле венгерскому, неприятелю императора Фридерика и короля богемского. (Венгры, по словам летописца, удивлялись стройности полков российских, их татарскому оружию и пышности самого князя, его богатой одежде греческой, обшитой золотыми кружевами, — сабле, стрелам, седлу, окованному драгоценными металлами с блестящею резьбою.) Сия вражда была за области умершего герцога австрийского, Фридерика: Бела, император и король богемский хотели овладеть ими. Первый объявил себя защитником дочери Фридериковой, именем Гертруды, уступившей ему свои наследственные права;

женил на ней Даниилова сына, Романа; отправил их в Юденбург и клялся Гертруде отдать ей Австрию и Стрию, как скоро завоюет оные. Тем усерднее Даниил доброжелательствовал королю венгерскому; не смотря на глазную болезнь, которая мешала ему видеть, выступил в поле с краковским герцогом, разорил богемскую Силезию, взял Носсельт, выжег окрестности тропавские¹ и возвратился, довольный мыслію, что никто из древних героев российских, ни Св. Владимир, ни великий отец его, не воевал столь далеко в земле немецкой.

Хотя Бела не исполнил данного Гертруде слова и даже не защитил ее супруга, осажденного богемским принцем в Юденбурге (так что Роман, оставив беременную жену, принужден был уйти к отцу), но Даниил остался другом венгров.

Счастливые войны с ятвягами и с литвою более и более прославляли мужество сего князя. Первые, не находя безопасности и за своими лесистыми болотами, согласились платить ему дань черными кунницами и серебром.

В Литве господствовал тогда славный Миндовг, баснословно производимый некоторыми летописцами от племени древних римлян, а другими от наших князей полоцких. Он жил в Кернове, повелевал всеми иными князьями литовскими и, грабя соседственные земли христианские, искал приязни одного Даниила, который женился вторым браком на его племяннице. Несколько времени быв друзьями, они сделались неприятелями. Миндовг, опасаясь честолюбивых братьев Данииловой супруги, Товтивила и Эдивида, велел им воевать Смоленскую область, но в то же время замышлял их убить. Племянники свести и бежали в Владимир Волинский. Обрадованный случаем унижить гордость Миндовга, Даниил представил ляхам и рижским немцам, что междоусобие князей литовских есть счастье для христиан и что надобно оным воспользоваться. Немцы действительно вооружились, россияне также; самые ятвяги и жмудь, в угодность им, восстали на Литву. Даниил завоевал Гродно и другие места литовские; но скоро немцы изменили, отчасти подкупленные Миндовгом, отчасти им обманутые: ибо сей хитрый язычник, видя беду, принял веру латинскую и заслужил покровительство легкомысленного папы, Александра IV, давшего ему сан королевский. Чрез два года увидели обман: Миндовг, в крайности уступив Даниилу сыну, Роману, Новогородок, Слоним, Волковиск и выдав дочь свою за его меньшего брата, именем Шварна, отдохнув и собрав силы, снова обратился к идолослужению и к разбою, гибельным для рижского ордена, Мазовии, Смоленских, Черниговских, даже Новгородских областей.

В сие время Даниил, ободряемый королем венгерским, ляхами и собственными успехами воинскими, дерзнул объявить себя врагом моголов. Они вступили в Понизье и заняли Бакоту; юный Лев Данилович, выгнав их оттуда, пленил баскака ханского. Темник Батыев, Куремса, не мог взять Кременца и, сильно убеждаемый Изяславом Владимировичем (внуком

Игоря Северского) идти к Галичу, отвечив: «Даниил страшен!» Вся южная Россия с беспокойством ждала следствий, а мужественный Даниил, пленив Изяслава и пользуясь изумлением татар, отнял у них города между реками Бугом и Тетеревом, где баскаки господствовали как в своих улусах. Он хотел даже освободить и Киев, но возвратился с пути, чтобы защитить Луцкую область, разоряемую литовцами, мнимыми его союзниками. Уже Даниил веселился мыслію о совершенной независимости, когда новые бесчисленные толпы моголов, ведомые свирепым Бурндаем, преемником слабого Куремсы, явились на границах Литвы и России. «Желаю знать, друг ли ты хану или враг? — сказали королю галицкому послы Бурндаевы. — Если друг, то иди с нами воевать Литву». Даниил колебался, видел превосходство сил татарских, медлил и наконец послал Василька к Бурндаю с дружиною и с ласковыми словами, которые сперва имели счастливое действие.

Соны моголов устремились на Литву, дотеле им неизвестную; одни дремучие леса и вязкие болота могли спасти жителей; города и веси исчезли. Ятвяги испытали то же бедствие. Хваля мужество, оказанное братом Данииловым в разных сшибках, Бурндай отпустил его в Владимир.

Прошло два года в тишине и спокойствии для юго-западной России. Даниил, именуя себя другом ханским, строил, укреплял города и не переставал надеяться, что державы соседственные рано или поздно увидят необходимость действовать общими силами против варваров; но Бурндай открыл глаза и, вступив в область Галицкую, дал знать ее королю, чтобы он явился в его стане как смиренный данник или ждал казни. Даниил послал к нему брата, сына, холмского епископа Иоанна и дары. «Хотите ли уверить нас в искренней покорности? — говорил темник ханов. — Разберите или предайте огню стены крепостей ваших; сравняйте их окопы с землею».

Василько и Лев не смели послушаться: города Данилов, Стожен, Кременец, Луцк, Львов, незадолго до того времени основанный и названный именем старшего сына Даниилова, обратились в села, быв лишены своих укреплений, ненавистных татарам. Бурндай веселился, смотря на пылающие стены и башни владимирские; хвалил повиновение Василька и, в знак особенного удовольствия, несколько дней пировав в его дворце, пошел к Холму, откуда горестный Даниил уехал в Венгрию. Провидение вторично спасло сей город хитростию Василька, который, будучи послан с двумя мурзами (знавшими русский язык), чтобы склонить жителей к сдаче, взял в руку камень и, сказав: «Не велю вам обороняться», кинул его на землю. Воевода холмский угадал мысль князя и с приторным гневом отвечив ему: «Удалися; ты враг государя нашего». Василько действительно хотел, чтобы жители сопротивлялись, имея лучших ратников, укрепления надежные и много самострелов; а татары, не любя долговременных, кровопролитных осад, чрез несколько дней отступили, чтобы воевать Польшу, где

¹ Окрестности тропавские — окрестности г. Троппау (ныне Опава в Чехии).

Василько и Лев служили им невольным орудием в злодействах. Так, сии князья уговорили сендомирского начальника сдать, обещая ему и гражданам безопасность, но с горестию должны были видеть, что моголы, в противность условию, резали и топили народ в Висле. Наконец Бурондай возвратился к берегам Днепра, с угрозою, что области Волынская и Галицкая снова будут пеплом, если их князья не захотят мирно рабствовать и платить дани хану.

Следственно, важные усилия и хитрости Данииловы остались бесполезными. Он не нашел помощи ни в Кракове, ни в Венгрии, к единственному утешению своему сведав на пути, что Василько победил Миндовга, слабого против моголов, но ужасного для соседственных образованных государств. Как скоро Бурондай удалился, хищные литовцы опустошили Мазовию, убили ее князя Самовита и впали в наше владение близ Камена, предводимые каким-то изменником, боярином рязанским Евстафием. Василько, разбив их на берегах озера Невельского, послал к брату множество трофеев, коней оседланных, щитов, шлемов и копий литовских.

Мы описали здесь случаи нескольких лет относительно к юго-западной России, которая со времен Батыева нашествия отделилась от северной, имея особенную систему государственную, связанную с делами Венгрии, Польши и немецкого ордена гораздо более, нежели с суздальскими или новгородскими. Последние для нас важнее: ибо там решилась судьба нашего Отечества.

Александр Невский по возвращении своем в Владимир терпеливо сносил бремя жестокой зависимости, которое более и более отягощало народ. Господство моголов в России открыло туда путь многим купцам бесерменским, харазским, или хивинским, издревле опытным в торговле и хитростях корыстолюбия: сии люди откупали у татар дань наших князей, брали неумеренные росты с бедных людей и, в случае неплатежа объявляя должников своими рабами, отводили их в неволю. Жители Владимира, Суздаля, Ростова вышли наконец из терпения и [в 1262 г.] единодушно восстали, при звуке вечевых колоколов, на сих лихоимцев: некоторых убили, а прочих выгнали. То же сделалось и в других городах северной России. В Ярославле народ умертвил какого-то злочестивого отступника, именем Зосиму, бывшего монаха, который, приняв веру магометанскую в Татарии, хвалился милостию нового великого хана Кобляя и ругался над святынею христианства; тело его бросили псам на снедение.

В Устюге находился тогда могольский чиновник Буга; собирая дань с жителей, он силою взял себе в наложницы дочь одного гражданина, именем Марию, но умел снискать ее любовь и, сведав от нее, что устюжане хотят лишить его жизни, объявил желание креститься. Народ простил ему свои обиды; а Буга, названный в христианстве Иоанном, из благодарности женился на Марии. Сей человек добродетелями и набожностью приобрел всеобщую любовь, и память

его еще хранится в Устюге: там показывают место, на коем он, забавляясь *соколиною охотою*, вздумал построить церковь Иоанну Претечи и которое донныне именуется *Сокольею горою*.

Сии происшествия должны были иметь следствие весьма несчастное: россияне, наказав лихоимцев харазских, озлобили татар, их покровителей. Правительство не могло или не хотело удержать народа: то и другое обвиняло Александра в глазах хановых, и великий князь решился ехать в Орду с оправданием и с дарами. Летописцы сказывают и другую причину его путешествия: моголы незадолго до того времени требовали вспомогательного войска от Александра: он хотел избавиться от сей тягостной обязанности, чтобы бедные россияне по крайней мере не проливали крови своей за неверных.

Уже готовый к отъезду, Александр послал дружину в Новгород и велел Димитрию идти на ливонских рыцарей. Сей юный князь взял приступом Дерпт, укрепленный тремя стенами, истребил жителей и возвратился обремененный добычею. Кроме многих новгородцев с ним ходили Ярослав Тверской, Константин, зять Александров (сын Ростислава Смоленского) и князь литовский Товгивил, племянник Миндовгов, который принял веру христианскую и господствовал в Полоцке, или завоевав его, или — что гораздо вероятнее — будучи добровольно призван жителями по смерти Брючислава, тестя Александрова: ибо Товгивил имел славу доброго князя. С помощью Даниила Галицкого и ливонских рыцарей он утвердил оружием свою независимость от дяди и жил мирно с россиянами.

Александр нашел хана Берку в волжском городе Сарае. Сей Батыев преемник любил искусства и науки; ласкал ученых, художников; украсил новыми зданиями свою капчакскую столицу¹ и позволил россиянам, в нем обитавшим, свободно отправлять христианское богослужение, так, что митрополит Кирилл (в 1261 году) учредил для них особенную епархию под именем *Сарской*, с кою соединили после епископию южного Переяславля. Великий князь успел в своем деле, оправдав изгнание бесерменов из городов суздальских. Хан согласился также не требовать от нас войска, но продержал Невского в Орде всю зиму и лето.

Осенью [1263 г.] Александр, уже слабый здоровьем, возвратился в Нижний Новгород и, приехав оттуда в Городец, занемог тяжкою болезнию, которая пресекла его жизнь 14 ноября. Истошив силы душевные и телесные в ревностном служении Отечеству, пред концом своим он думал единственно о Боге: постригся, принял схиму и, слыша горестный плач вокруг себя, тихим голосом, но еще с изъявлением нежной чувствительности сказал добрым слугам: «Удадитесь и не сокрушайте души моей жалостию!» Они все готовы были лечь с ним в гроб, любив его всегда — по собственному выражению одного из них — гораздо более, нежели отца родного.

Митрополит Кирилл жил тогда в Владимире: сведав о кончине великого князя, он в собрании духо-

¹ *Капчакская столица* — Сарай находился на землях половцев-капчаков (Капчакской орды), ставшей частью Золотой Орды.

Александр Невский принимает схиму.

венства воскликнул: «Солнце Отечества закатилось!» Никто не понял сей речи. Митрополит долго безмолвствовал, залился слезами и сказал: «Не стало Александра!» Все оцепенели от ужаса: ибо Невский казался необходимым для государства и по летам своим мог бы жить еще долгое время. Духовенство, бояре, народ в глубокой скорби повторяли одно слово: «Погибаем!»...

Тело великого князя уже везли в столицу: несмотря на жестокий зимний холод, митрополит, князя, все жители Владимира шли навстречу ко гробу до Боголюбова; не было человека, который бы не плакал и не рыдал; всякому хотелось облобызать мертвого и сказать ему, как живому, чего Россия в нем лишилась. Что может прибавить суд историка, в похвалу Алек-

сандру, к сему простому описанию народной горести, основанному на известиях очевидцев? Добрые россияне включили Невского в лик своих ангелов-хранителей и в течение веков приписывали ему, как новому небесному заступнику Отечества, разные благоприятные для России случаи: столь потомство верило мнению и чувству современников в рассуждении сего князя! Имя *Святого*, ему данное, гораздо выразительнее *Великого*: ибо *Великими* называют обыкновенно *счастливых*; Александр же мог добродетелями своими только облегчать жестокую судьбу России, и подданные, ревностно славя его память, доказали, что народ иногда справедливо ценит достоинства государей и не всегда полагает их во внешнем блеске государства. Самые легкомысленные новгородцы, неохотно уступив Александру некоторые права и вольности, единодушно молили Бога за усопшего князя, говоря, что «он много потрудился за Новгород и за всю землю Русскую». Тело Александрово было погребено в монастыре Рождества Богоматери (именуемом тогда *великою архимандритиею*), где и покоилось до самого XVIII века, когда государь Петр I вздумал перенести сии останки бессмертного князя на берега Невы, как бы посвящая ему новую свою столицу и желая тем утвердить ее знаменитое бытие.

По кончине первой супруги, именем *Александры*, дочери полоцкого князя Брючислава, Невский сочетался вторым браком с неизвестною для нас княжною

Вассою, коей тело лежит в Успенском монастыре владимирском, в церкви Рождества Христова, где погребена и дочь его, Евдокия.

Слава Александра, по свидетельству наших *родословных книг*, привлекла к нему из чужих земель — особенно из Германии и Пруссии — многих именитых людей, которых потомство донныне существует в России и служит государству в первейших должностях воинских или гражданских.

В княжение Невского начались в Волжской, или Капчакской, Орде несогласия, бывшие предвестием ее падения. Ногай, один из главных воевод татарских, надменный могуществом, не захотел повиноваться хану, сделался в окрестностях Черного моря владельцем независимым и заключил союз с Михаилом Палеологом, императором греческим, который в 1261 году, к общему удовольствию россиян, взяв Царьград и восстановив древнюю монархию византийскую, не устыдился выдать побочную свою дочь, Евфросинию, за сего мятежника. От имени Ногай произошло, как вероятно, название татар ногайских, ныне подданных России.

Несмотря на внутреннее неурстройство, моголы более и более распространяли свои завоевания и чрез Казанскую Болгарию дошли до самой Перми, откуда многие жители, ими утесненные, бежали в Норвегию, где король Гакон обратил их в веру христианскую и дал им земли для поселения.

Глава III

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ ЯРОСЛАВИЧ (1263—1272)

Древнейшая грамота новгородская. Брак Ярославов. Мятежи в Литве. Война в Ливонии. Баскаки. Упреки великому князю. Мир новгородцев с Ярославом. Татары принимают веру Магометову. Кончина Ярослава. Перемены в уделах. Князь Феодор, зять ханов. Смерть и добродетели короля Даниила. Происшествия в западной России. Основание Кафы. Город Крым.

Андрей Ярославич должен был наследовать престол владимирский; но как он умер через несколько месяцев по кончине Невского, то брат их, Ярослав Тверской, сделался великим князем. Новгородцы также признали его своим начальником, выгнав юного Дмитрия Александровича за его малолетство; но хотели, чтобы Ярослав дал клятву в верном соблюдении условий. Мы имеем подлинник сего торжественного договора, писанного от имени архиепископа, Михаила посадника, тысяцкого Кодрата и всего Новгорода, от *старейших и меньших*¹. Там сказано:

«Князь Ярослав! Требуем, чтобы ты, подобно предкам твоим и родителю, утвердил крестным целованием священный обет править Новымгородом по древнему обыкновению, брать одни *дары* с наших областей, поручать оные только новгородским, а не

княжеским чиновникам, не избирать их без согласия посадника и без вины не сменять тех, которые определены братом твоим Александром, сыном его Дмитрием и новгородцами. В Торжке и Волоке будут княжеские и наши тиуны (или судии): первые в твоей части, вторые в Новгородской; а в Бежицах ни тебе, ни княгине, ни боярам, ни дворянам твоим сел не иметь, не покупать и не принимать в дар, равно как и в других владениях Новгорода: в Волоке, Торжке и проч.; также в Вологде, Заволочье, Коле, Перми, Печере, Югре. В Русу можешь ты, князь, ездить осенью, не летом; а в Ладогу посылай своего рыбника и медовара по грамоте отца твоего, Ярослава. Дмитрий и новгородцы дали бежичанам и обонежцам² на три года право судиться собственным их судом: не нарушай сего временного устава и не посылай к ним су-

¹ ...от старейших и меньших — от старших и младших по званию.

² Бежичане и обонежцы — жители городов Бежичи и Обонега.